

Архив Международного Мемориала

Коллекция мемуаров и литературных произведений

Ф.2, оп. 8, д. 104

Аношкины Нина Ивановна и Таисия Ивановна

[Воспоминания]

б/м, февраль 1991

Машинопись, 7 л.

См. также Ф. 1. Оп. 1. Д. 159 (Аношкина Таисия Ивановна);

Ф. 1. Оп. 1. Д. 158 (Аношкин Иван Романович)

Поступление 1991

19

Воспоминание Аношкиных Нины Ивановны и Таисии Ивановны.

Сообщаем подробности периода репрессий. Семья Аношкина Ивана Романовича, 1894 года рождения состояла из восьми человек. Аношкина Мария Григорьевна, 1894 года рождения – жена. И дети Таисия и Нина 1918 года рождения, близнецы. Валентина 1920 года рождения. Виктор, 1922 года рождения. Антонина и Николай 1926 года рождения, близнецы.

Проживали в поселке Ново-Михайловский Чапаевского района Куйбышевской области. Жили очень бедно. До нового урожая хлеба не хватало.

В 1928 году в поселке был организован колхоз, куда папа вступил одним из первых. В 1931 году колхоз волился в коммуну имени ОГПУ, которая находилась рядом с колхозом. Впоследствии она была преобразована в совхоз, который и по сей день там существует.

В марте 1933 года нашего папу исключили из членов коммуны, не объяснив причины. В апреле его арестовали и увезли в город Чапаевск, райцентр. Так как в коммуне все было обобществлено, мы остались без средств к существованию. Буквально на третий день мама с младшими детьми вынуждена была идти просить милостыню. Из нашего дома нас выселили. Стали мы жить в землянке вместе с семьей Пикалева. С ними же нас потом отправили в ссылку. Односельчане жалели нас, но подавать милостыню боялись, так как сразу было приклеено клеймо – враги народа.

Во время торжественного собрания посвященного I Мая нам вчерашним активным пионерам во всеуслышанье заявили: враги народа, выйдите из клуба. Идя домой мы всю дорогу плакали.

В мае 1933 года всех нас, маму и детей, посадили на две телеги и повезли. Вещей у нас не было, кроме смены белья в мешке. Нас не раскулачивали, мы были очень бедные. Провожали нас все жители поселка. Тут уже без страха все женщины плакали. Некоторые говорили – где же справедливость? Почему такое издевательство над нищими. Без страха

совали нам хлеб, сухари, картошку вареную, деньги мелочь. Набралось около шести рублей. С тем и повезли.

Сейчас описывать те дни не можешь обойтись без слез.

Привезли нас в город Чапаевск, где мы встретились с палой и его товарищем в товарном вагоне с двухъярусными нарами. Со слов папы суда над ним не было. Через два три дня весь состав репрессированных был отправлен в Сибирь. В вагоне для естественных нужд были проделаны в полу дыры. Их завесили тряпками. Пользовались этими приспособлениями все и мужчины, и женщины и дети. Всего нас было более шестидесяти человек. От такого неудобства многие, в том числе и мы, страдали животами.

Помню дня через три, а всего ехали дней восемь-десять, один раз в сутки днем между станциями в поле стали останавливать состав, открывали двери и охранники кричали "Выходи до ветра!" Все выходили, тут же садились и каждый делал что нужно. Раз в сутки давали черный хлеб. Мы, дети, радовались этому, так как дома совсем ведь нечего было есть.

Через 8-10 дней прибыли в Томский пересыльный пункт. Всех поселили в большой барак без света с трехъярусными нарами. Пересыльный пункт был забит народом. Очень много народа гибло от истощения. Видели своими глазами трупы на улицах. Много было ссыльных из Кубани. Как мы сейчас понимаем, здесь происходило формирование этапов на север Сибири. Работать заставляли всех, даже подростков. Иначе не давали есть. Таскали доски, бревна, воду таскали из речки с очень крутым и высоким обрывом.

К нашему счастью вскоре приехал вербовщик с Моряковского судостроительного завода. Затем Моряковский находился в тридцати пяти километрах от Томска. Он набирал только малосемейных. Нашу многодетную семью брать отказался.

В то время было уже известно, что отправляли этапы по реке Оби на север Сибири. По пути следования их высаживали, на крутых таежных берегах для постоянного жительства. Многие из них погибали. Такая семья, как наша, из-за отсутствия рабочих рук обречена была на гибель.

Мама взяла всех нас и повела к вербовщику. Со слезами просила пожалеть детей. Мы упали перед ним на колени и ревя просили: дяденька, возьми нас. Он оказался с добрым сердцем. Взял нас под свою ответственность. Это первый и главный наш спаситель.

В Моряковском затоне жили как вольнонаемные, хотя состояли на учете в Томской комендатуре НКВД, как трудпереселенцы. На судостроительном заводе папа работал плотником, а мы двое, старших детей, подсобными рабочими. Так как нам было по пятнадцать лет, мы работали по шесть часов. Заработное было небольшой, но хватало выкупить хлеба по карточкам. Поэтому мы и недоедали и голодали. Иногда приходилось подрабатывать на разгрузке баржей со стройматериалами: камень, кирпич, цемент, известь. Нам подросткам эта работа была не под силу, но голод заставлял.

Осенью 1933 года пошли учиться в седьмой класс. Одновременно работали на стройке. Еще двое учились — сестра в шестом классе, брат в пятом. Учились хорошо. От непосильного труда и ежедневного недоедания мы заболели куриной слепотой. Вынуждены были оставить учебу. Это для нас была трагедия. Когда плача принесли сдавать учебники и рассказали причину ухода из школы, директор школы товарищ Устердев и педагоги, узнав нашу драму не могли удержаться от слез. Тут же директор, товарищ Усотин разрешил всем четверым обедать в школьной столовой бесплатно. Это наш второй спаситель.

В то же время, в праздничные дни, когда проходили торжества в клубе завода организатор этих мероприятий, когда зал был заполнен народом, выходил на сцену и объявлял, как обычно: Враги народа

выйдите из зала. И указывал при этом на нас. В душе мы не считали себя врагами народа, но на глазах у всех мы шли к выходу. После этого мы перестали ходить в клуб.

В январе 1935 года комендатура направила нас двоих на шестимесячные курсы счетоводов. По окончании их мы были направлены комендатурой в Старгасумский лагерь, шестьсот километров на север от города Томска, выше по Оби. Для наших родителей и для нас это было большим ударом. Было нам по семнадцать лет.

В Каргасобской комендатуре мы проработали около двух месяцев и свершилось чудо. В сентябре 1935 года в Торгос приехал в командировку начальник западно-сибирских лагерей товарищ Долгих и начальник финчасти товарищ Сергиенко. Мы, близнецы были очень похожи друг на друга и это обычно привлекало внимание окружающих. Товарищ Сергиенко увидев нас в бухгалтерии тоже заинтересовался. Спросил откуда мы, где родители и как мы попали сюда. После чего предложил вернуться поближе к родителям. Дал направление на работу на базу Томской комендатуры. Нашей радости не было предела. Это был наш третий спаситель.

На базе ОТП НКВД проработали с с 23-го 1935 года по 26/УП 1936 года как трудпереселенцы.

На основании Постановления № 840 Президиума Томского Городского Совета КР и КД от 15/УП 36-го года вынесено в порядке статьи 40-й Инструкции ВЦИК о выборах в Советы и на съезды Советов РСФСР от 1934 года мы восстановлены в избирательных правах и работали вольнонаемными до ликвидации базы то есть до 29 ноября 37-го года.

Работая на базе мы материально помогали родителям. На основании этого же Постановления № 840 в 36-м году наши родители были восстановлены в гражданских правах и получили паспорта и весной 1937-го года они приехали на жительство к нам в Томск. Вся семья опять была вместе.

Папа и мама всю жизнь были крестьянами. И здесь они тоже тянулись к земле. В мае мы всей семьей сажали картошку. Был яркий солнечный день. Во время обеда папа сказал: Как долго мы ждали этого дня, все вместе, какое это счастье.

Но наше счастье было не долгим. 26-го ноября 1937 года ночью папа был арестован. Мы, дети, проснулись проститься с папой. В квартире стоял стон и рев, а мама была в шоковом состоянии, не могла даже промолвить слова.

Я где-то слышала, что в тюрьмах развивается цинга и плохой пищи. Я подошла и сказала - папа возьми лук. Папа ответил - доченька там и так горько будет, а ты мне лук даешь. Но лук он взял и хлеб тоже. Ничего более существенного из продуктов у нас не было. Жили на одних овощах. Нас было восемь человек, а работало только трое. Больше мы никогда не видели нашего любимого папу.

Последние слова его были: Дети, берегите мать. Его наказ мы выполняем и по сей день.

Через несколько дней после ареста папы, мама пошла в управление НКВД узнать о его судьбе. Ей ответили - осужден на десять лет без права переписки. Справляться о судьбе родственников и близких стояла тысячная очередь. Мама ушла утром, а вернулась вечером. На нашем изживении осталось пять человек: мама, два брата и две сестры. Все дети учились...

Папа был арестован 26-го ноября 1937 года, а база, где мы работали ликвидировалась 29-го ноября 1937 года. На работу нас, как детей врага народа не принимали несколько месяцев. Жили случайными заработками.

Летом 1938 года нас выселили из квартиры. Пока было тепло мы жили во временке, вроде сарая, а когда стало холодно, стали мы искать пристанища.

Мама с сыновьями поехала на родину к своим сестрам. Одна из нас, Нина, вышла замуж и уехала на Сахалин. Трое устроились временно у знакомых. Двое учились. Маму с сыновьями полностью содержала Нина. Вся семья распалась, но все равно поддерживали и помогали друг другу. Только в 1949 году собрались опять почти все в городе Мариинске, куда одну из сестре, Валентину, послали на работу после окончания фельдшерско-акушерской школы.

Писали Сталину. Ответа ни разу не получили. Только теперь стало ясно, что виновником всех наших бед был он сам.

17-го октября 1955 года папа был реабилитирован посмертно из-за отсутствия состава преступления. В 1956 году маме была назначена пенсия за папу, первоначально она составляла пятнадцать рублей с копейками. Сейчас мама получает двадцать один рубль 70 коп. Естественно все мы ей помогаем. Помог ей выхлопотать пенсию начальник группы НКВД по Томской области товарищ Посякин. Маме сейчас девяносто четыре года. Детей у нее шестеро. В настоящее время уже все на пенсии. Получили среднее специальное образование.

Наш папа был настоящим патриотом своей родины. Несмотря на то, что мы были сосланы в Сибирь, жили в тяжелейших условиях, мы не слышали от него ни одного слова против нашего строя. И он нас воспитал преданными родине. Он всегда говорил - дети, это какая-то ошибка. Рано или поздно правда восторжествует. Жаль, что папа не дожил до этих дней. Согласно свидетельства о смерти, выданного нам в 1961 году Аношкин Иван Романович умер 18 марта 1943 года, возраст 49 лет. Причина смерти туберкулез легких. Место смерти в местах заключения.

Когда папа работал в колхозе о нашей семье писали в газете "Волжская коммуна" и в брошюрке, как о трудовой семье. Нам, старшим сестрам в то время было по десять лет, но мы тоже работали, привозили на лошадях снопы с поля на гумно.

Мы работали на базе при Томской комендатуре до ноября 37-го года. Начальник спецчасти Циганков иногда приглашал нас работать в картотеку где числились репрессированные находящиеся в западно сибирском лагере. Мы поинтересовались нашим делом. В папке лежал лист, где было написано - фамилия, имя отчество папы, год рождения, место рождения, состав семьи, член колхоза, дата высылки. Больше никаких записей не было.

В конце хочется сказать: тем, кто хотел уничтожить весь наш род под корень, мы живы несмотря ни на что. Наш шестеро детей, одиннадцать внуков, четырнадцать правнуков, три пра-правнука. Все мы ветви одного дерева, а корни его - мама. Она жива, ей девяносто четыре года и папа, который остался жить в нас. Жалко только, что мы не знаем куда нам притти и поклониться его праху. Не знаем где и как принял он свою последнюю муку.

Архив Международного детского фонда
фонд 2, опись 8, дело 104

4 октября 2016 года Минюст РФ внес Международный Мемориал в реестр «некоммерческих организаций, выполняющих функцию иностранного агента». Мы обжалуем это решение в суде.

Архив Международного Мемориала
Фонд 2, опись 8, дело 104